Сергей Ивкин

ЙОД

Издательство «Евдокия»
Екатеринбург – Нью-Йорк
2012

ЙОД

Iodine

By Sergey Ivkin

Copyrights © 2012 by Sergey Ivkin

All rights reserved.
No part of this book may be reproduced in any form or by any means, including information storage and retrieval systems, without permission in writing from the Publisher and/or the Author, except by a reviewer who may quote brief passages in a review.

© Sergey Slepukhin, essay, illustration on the cover
© Evdokia Slepukhina, book design & page-proofs

ISBN **978-1-300-11387-4**

Eudokiya Publishing House
eudokiya@gmail.com

Printed in the United States of America

Сергей Ивкин

ЙОД

Разрушенная больница скорой помощи
в Зелёной роще города Екатеринбурга

Нет ни нового неба, ни новой земли.
Тощий ангел сказал мне: — Иди и смотри!
Помолитесь у третьей палаты.
Медсестра накормила зелёным суфле.
Те, кто умер тогда, — засыпали в тепле,
перевозчик не требовал платы.

Нет ни боли живущим, ни радости нет.
Пластик, кафель и камень истачивал свет.
Не делились на агнцев и прочих.
Кто сказал, что Господь не узнает своих?
Принимали всех скопом, а кто на двоих
устоял — оставляли в рабочих.

Здесь на пятом не чувствуешь запаха крыс.
Отложив АКС, я выглядывал вниз —
в перегной, в шевелящийся силос.
Каждый вечер я строю тоннели назад:
запираю засов, закрываю глаза —
тишина, ничего не случилось.

* * *

мы валуны одной величины
выкладываем в дёрне облучённом
Архангелы, непрочные Чины

медлительна походка заключённых…

над нами просыпается рассвет
и никого нет в мире кроме Бога
и две собаки (и ещё немного)
и три собаки спящие в листве

Ответ чибису

раздвинув обожжённые края
прозренье продирается наружу
что крылья белой бабочки разъяв
двустворчатость жемчужницы нарушив

от зренья и презренья отделив
себя противопо… или заставив
надкусывая солнечный налив
густую крону дерева листает

а впереди по-прежнему темно
а нам не страшно ибо знаем чьи мы
всё получилось как бы так само
и даже черенки кровоточивы

Прощание

чудь начудила да меря намерила
не отпускает вода
снег опускается медленно-медленно
не долетая сюда

осень бессмертная незаменимая
всё верет*е*ница спи
только любовью моею хранимая
вот мои слёзы и спирт

не бездорожие а нежелание
жить где бы либо ещё
эта река не имеет названия
если ты спросишь насчёт

слушают птицы мои откровенности
мой поминальный дымок
чистая нежность без примеси ревности
сахарный в горле комок

* * *

А.П.

озеро с обвислыми краями
выложено белыми камнями

небо в центре водного холма
маленькие жёлтые дома

мне пять лет я знаю так бывает
и всегда сирена завывает

ангелы похожи на Ганешу
говорят я ничего не вешу

Апсны (Страна души)

В аду прекрасные селенья...
Константин Вагинов

по коридору света в руке топор
положите на веки мне монитор
здравствуйте что ли керберы трёхголовы
на переправе кони запчасть запчасть
здесь немота начинается прокричась
прямо как дети малые честно слово

документацию можно не подымать
пёхом в Тавду из Лейпцига шли тома
каждый откроет спросит поставит крестик
вот моя комната кресло камин трюмо
нужно купить косметики на ремонт
сколько ты лет сюда не заглядывал вестник

справа Аркадия слева шумит Шумер
волны медуз подсовывают в размер
молча иду вдоль пены дыша отливом
я в эти нарды пляжные не игрок
аппликатура разная между ног
мне недостаточно тела чтоб стать счастливым

Другой жёлтый ангел

Открываю глаза: ни шатров, ни тебе огней.
Зырят двое патрульных сверху: «Давай, вали».

Мне вчера обещали море на тридцать дней.
Все понятно в доску (считай) свои.
Хохотала Маша — бубенчики на башке:
«Оберон, танцуй для нас, Оберон!»
Мы трясли достоинствами в кружке,
и на нас смотрели со всех сторон.

Из трясин Юггота разумный гриб,
а не жёлтый ангел сошёл сюда.
Для чего мне нужен весь этот трип,
для чего всё делается, когда
я стою один на пустом шоссе
со своим убожеством визави…

Отдалённый голос прошелестел:
«Для любви, мой маленький, для любви».

* * *

вот дерево 109 раз и дым
вот облако вода вода вода
на самом деле не было беды
у нас её не будет никогда

вот наши двери сорваны с петель
вот эхом отдаётся каждый шаг
мы сочиняем воздух и теперь
еженедельно учимся дышать

* * *

над городом плывут левиафаны
на нитях остановлены машины

слепой ребёнок ножницами шарит
ему пообещали элефанта
она пообещала быть инфантой
она пообещала среди женщин
пинать ногою и лететь нагою

над городом плывут аэростаты
и овцы объедают пальцы статуй

* * *

жди свой товар неразменный живой алтын
губ шевеление в зеркале глухоты

только и гонору что понесло по лоткам
всё что угодно способно уйти с молотка

время разбрасывать время пока не собрат
над абсолютной тайгой остальной циферблат

* * *

В. Д.

Смотрит ампула плоти в январские рёбра моста:
инженерные рельсы, собором осыпалось небо.
На ладонях моих пресноводная береста.

У Бориса и Глеба
прорастают в глазах голоса, золотые круги.
Вдосталь тянется праздник (рождественский? преображенский?)
от медвежьих голов или до голубиных княгинь,
не мужских и не женских.

Я не ведал других (отворотных? червонных?) болот.
Подстаканник не слышит, когда растворяется сахар.
Невесомое тело в ладонях одежды ревёт,
избавляясь от страха.

* * *

по камням светящимся впереди
сердце не заложенное кротам
возвращающее-вращающее в груди
(неразборчиво) что-то там

опоздала душа моя проспала
и теперь по воздуху всей стопой
золотые Господи колокола
на корнях сплетённых над головой

* * *

О.Е.

длинно летит душа
птицей сторожевой
что в кегельбане шар
в бане кровавой вой

выбитый не живёт
клиньями журавли
нищенский перелёт
вот и курлы-курлы

общий созыв на юг
и через зиму вспять
крыльями небо бьют
прямо в полёте спят

* * *

М.Ч.

белые зонтики трав ночных
рыбой выныривают из ти...

просто все звуки отключены
стрелки забыли перевести

вот и по руслу твоей реки
ходит высокий лев

горькие-горькие огоньки
на берегах дерев

голову листьями обхватив
старый подсолнух спит

долго проходит локомотив
быстро вода кипит

* * *

о одиночество мужчин
Андрей Санников

четыре половины четверых
фальцет и щебет над пустой заваркой
смеркается смолкается не жарко
настоем из берёзовой коры
заполнена белёсая посуда
как хорошо не начинать опять
не замечать не повторяться вспять
не видеть всюду

Влюбись в меня, если осмелишься

1.

Созерцание женщины, не соблазнённой мной,
бесит порою. Единственный из мужчин,
имеющий доступ в твою квартиру, зимой
однажды к тебе приезжаю. Молчим
на маленькой кухне в четыре часа утра.
Вся наша жизнь происходит в такой момент.
Ты сама это знаешь: нам никогда не пора.
Вытеснение влаги из глаз доказал Архимед.

2.

В прихожей склад обувных коробок. В одной
когда-то хранил обоймы твои. Поэт —
с вожделением целился, но максимум водяной
поднял на человека за столько лет
оппозиции и партизанской войны.
Вымывая сгустки с твоих волос,
не ощущал никакой вины,
не притянул вины. Не сбылось.

3.

Когда мне сломали нос возле кинотеатра «Темп»,
я полз по асфальту до дома четыре км.
Ребята всего лишь прикалывались по карате.
Первый из них (сказали) загнулся в тюрьме.
В те времена было модно: Вован, Юран.
Каждый как на ладони — одни менты
оставались вне ситуации по дворам.
Второго мне подарила ты.

4.

Позвонила сказать, что мой перочинный нож,
скорее всего, в полиэтилене уже.
Так получилось, что подобрать не пришлось.
Он убежал, если можно сказать о ноже.
Попросила неделю тебя не искать,
мы не знакомы, по физкультуре виделись на горе,
имени даже не знаю. «Конечно, Кать.
Двадцать два года исполнилось нашей игре».

5.

Помнишь, сидела с нами в домике на Бойцах:
взяли циклы с бормотухой на облепихе, и
я что-то нудно доказывал про отца,
типа сыновний долг — архаизм,
типа моё поколение выбрало zdob-si-zdub.
Ты взяла меня за руку и отвела на ведро.
Протолкнула два пальца мне между губ,
словно ногтями выгребла мне нутро.

6.

Так вот ни разу к слову и не спросил,
что с огнестрельным вышло. «Молчи». Молчал.
Хранил твои вещи, покупал тебе «клерасил»,
укрывал шинелью дедовской по ночам.
Встретил другую. Сделал счастливой. Сам
бегаю в парке, чтобы стряхнуть четверг.
Сердце моё у Анубиса на весах
с каждым биением выше и выше вверх.

* * *

ночью с балкона удили леща
в лодке Луны пировали с Ли Бо

мне безответно и *где ты сейчас*

(слепой
парень на площади) о нараспев
мокрою птицей молитву леплю

я выхожу на Центральный Проспект

июль

* * *

Стекающая сверху нагота.
Резиновое зеркало испуга.
Тот самый выход за пределы круга.
Тот самый выдох за пределы рта.

* * *

T.K.

1.

вечерний макияж: замазать атавизмы
здесь щупальца у рта здесь жабры вдоль спины
таким как мы хватает оптимизма
хватает нервов ждать падения стены

срез***а***ть шипы, щитки и запасные пальцы
(всё отрастает за четырнадцать часов)
чтоб только не шептать очкарику
не пялься
на левый мой висок на правый мой висок

2.

когда придёт вода или проглотит магма
мы даже под землёй попробуем дышать
нас обучали ждать пока не скажет ангел
что может выходить на белый свет душа

не помня ни единого закона
готовиться начать единственный полёт
авось посмотрит Бог с высокого балкона
авось и нас в ладонь из воздуха возьмёт

я так люблю тебя — ты мне меня дороже
я принесу кусок — не выходи туда
не надо, не меняй оттенка этой кожи
ещё огонь грядёт ещё придёт вода

Зависть I

Не нарезай надо мной круги,
женщина с пястями пустельги,
сердце моё улыбается каждому знаку.
Не существует преград на небесной тропе,
мой звукоряд не под силу прощёлкать тебе —
это такое библейское имя: Инаков.

Белые-белые области нелюбви…
Лишь человеческий неликвид
их переходит в малиновых мокроступах.
Чем набивают здесь люди карманы пальто?
Выйдя обратно, кладут на ближайший лоток
и на трофеи диверсий таращатся тупо.

Дева Обида — тебе прошипел Ярополк, —
что ж я опять утыкаюсь в твой голый пупок,
что мне до чьей-то высокой развесистой клюквы?
Не занавешивай завистью мой окоём:
я отгадал иллюзорное царство твоё —
все 33 превращённые в олово буквы…

Зависть II

Ангелы снова напутали: в этот сквер
в здание с эркерами зачем-то
я попросил поселить меня. Глядя вверх,
начал придумывать интерьер,
белые скатерти и каркадэ (с печеньем).

Вот мне тогда приблазнились вязь оград,
окна на улицу, громкие звуки (джаза).
Нет, всё нормально, правильно, очень рад,
что не по лисьим чаяньям виноград.
Просто забавно, как выпали эти фразы.

Здесь я сидел на лавочке, пил своё
тёплое пиво, рассматривал в приближенье
это окно на третьем (сейчас твоё),
думал о том, что без щебета воробьёв
слова не вставишь, не сделаешь предложенья.

Facebook

так и спросила: ты счастлив? — не было ничего
просто ей нравился мой позапрошлый дом
просто ей нравилось в гости входить в него
просто ей нравились те, кто в нём жил вдвоём

просто ей нравится ставить меня в тупик
здравствуй, Набоков, зря я тебя читал
ну, допустим, плюнешь ей в юзерпик
выключишь комп, вырубишь Jethro Tull

странная штука — счастье. поди — пойми
позже окажется: искренне, не насчёт
вот я нашёл невесту себе в Перми
вот напечатан в Нью-Йорке. чего ж ещё?

сука, — шепчу я, — зачем же ты так со мной?
что же тебе я сделал, чтоб так под дых?
офис пустынный, кофе совсем дрянной,
плоттер, жующий плёнку: кудых-кудых

Куртка

И.

Так полтора года и ходил с *надорванным* рукавом.
Заклеил обувным, обещал себе,
что пришью погоны, вышивку сделаю, уговорю кого
пришить погоны, вышивку сделать. Без
куртки уехал. Год лежала в Москве
в одной квартире, в Мытищах — в другой.
Потом от друга пришёл пакет.
Поставил в кладовку, развернул через год.
Так и надел, не пришив рукав.
Вышел во двор. Солнце слеп***и***т глаза.
Четыре года прошло. Был неправ.
Был неправ, говорю. Неправ, я тебе сказал.

Два стихотворения

1.

Ты же слышишь этот неумолкаемый шёпот
Тише шороха в библиотеке
Лишних слов, небольших замечаний
    Ложных, вычурных, несусветных

Это бесы, — прошептала мне Ася:
Лето кончилось — вот и резвятся
Ветер поднимается — будет ливень
    Чай поставим — они приутихнут

2.

Травы собирали на побережье
Трассы разворачивали за бампер
Тратились на кольца, на амулеты
    На обещания вечного счастья

Кольца расс*ы*пались — передарились
Сердце отболело и перестало
Птицы прилетают, садятся
    Долгие ведут разговоры…

* * *

оберни моё тело живой берестой
я согласен быть строчкой из песни твоей
хватит парка с летящей листвой
человеку из царства теней

затяжная чувствительность сожжена
словно пёс твои руки лижет
осень пермское кладбище тишина
путь обратно чем дольше тем ближе

* * *

медленно бу-бу-бу
губы не поджимай
касса стеклянных букв
ровный Шалтай-Болтай

если бы Короле
вы ледяная взвесь —
азбукой по земле
речь распросталась здесь

если бы эрудит —
умственный инвалид
палкою шерудит
слушает, как звенит

* * *

белое пламя в очах совы
просто завидую что Всевы

шний отвечает твоим устам
там где был воздух звенит хрусталь

мне говорят о твоих руках
о животе о твоём лобке

так говорят о чужих краях
о путешествии по реке

и я подумывал даже но
я понимал что не ты женой

станешь моею а потому
нечего пищу кидать уму

* * *

Отказаться от любви много проще,
чем от дела, от кормушки, от веры,
от наследства или прав на жилплощадь,
от военной или светской карьеры,
от родительской счастливой опеки,
от друзей, довольных редкостным браком…
Отказаться от любви человека
очень просто, если можешь не плакать.
Очень просто отказаться: всё это
происходит где-то там, не с тобою.

И совсем уже легко, если дети.
И тем более, когда у обоих.

Двое

Я вслед за ними вечность отшагал —
беременная птица и шакал.

Доходный дом со ста тремя глазами —
и по брусчатке не метель, а з*а*меть.

Сплошная мга, туман замёрзший, пыль,
ворота парка, искривлённый шпиль,

бу-бу-бу-бу голодного шакала,
ограды идеальные лекала.

Таким запомнил я Санкт-Петербург.
Купюрой крупной вырванный из рук,

он кружится над мерзостью канала.
Я ухожу, не досмотрев финала.

Я знаю: птица не сойдёт с ума,
закончатся та осень и зима,

закончится потребность в алкоголе,
надоедят поэзия и горе.

Стоят у Поцелуева моста,
он наклонившись, а она привстав;

и то ли нежность, то ли отвращенье
повсюду отключают освещенье.

Георгий Иванов

каждый шаг отмечая потерей
плешеед ебанько нёбоскрёб
зарешёченный веник артерий
жрёт *ворованный воздух* взахлёб

жрёт по жажде и платит по вере
у колючей неправды в дому
где стоит очевидцем в партере
на волошинском месте в Крыму

в небеса обращаясь с Николой
на своём гопоязе *вась-вась*
резидент поэтической школы
задыхается словно карась

обнажённая родина снится
где *седой бородой* Гумилёв
и финальная жизни страница
собутыльниц пол*у*нощный рёв

Четыре

Екатерине Симоновой

1.

она говорит ему:
Ничего,
скоро здесь поселится женское существо,
будет ставить соседям музыку группы «E.L.O.»,
говорить в телефон «Hello!»

Будет с кем на пару тебе молчать,
на чьи груди кончать,
кому вызывать врача и покупать чак-чак.

Ты же сам ушёл, так чего ж опять
ночью пьём на кухне «Благую гроздь»?
Чьи-то дети взахлёб за стеной вопят.
Представляешь звук и плывёшь насквозь.

Говоришь мне с утра: «Я принёс стишок.
Доброе утро. Пора вставать.
Вот айран желудку. Вот артишок».
Залезаешь ко мне в кровать.

2.

она говорит ему:

У тебя шесть валентностей — у меня только три.
Да и то, как правило, две пусты.
Валентин-Валентин, что у тебя внутри?
Снова мне всё самой? Наводить мосты,
проносить свою задницу мимо твоих витрин,
мимо салонов искусственной красоты,
мастурбировать перед зеркалом — эка мы хороши!
Ты приходишь и становишься за плечом,
говоришь мне н***а*** ухо (нежно): «Оба теперь левши.
Мы похожи, зая».
Напеваешь какую-то ерунду, ни о чём:
«У моей души … завелись золотые вши».
Разбиваю тебе голову кирпичом.

3.

она говорит ему:

Каталог “IKEA” пришёл вчера.

В пятницу — сад, в понедельник тебе в институт.

Посиди со мной рядом, тут.

До чего у нас с тобой скучные вечера.

А ты знаешь, я записалась в хор.

Мне сказали: у меня приличное «фа».

Кто там на проводе? Снова твоя Уфа?

Выключи этот долбанный телефон.

4.

она говорит ему:

Постучались с той стороны стекла.
Думала — в окно, а он — в зеркале. И машет рукой.
В чёрном весь. Голова бела.
Спрашивает: «Знаешь, кто я такой?»

«Я — говорит, — команданте Че.
Пришёл за твоим дезертиром».
А я перед ним фактически обнажена.
Давай поменяем квартиру.

Хорошо, что я тебе — не жена.

5.

он отвечает:
Ны мои, ны,
за тридцать лет четыре недожены.
Все вы мною обожествлены.

До туалета добираешься практически на нуле —
Ш*и*ле Эгон, натурально сошедший с реле,
кровью из носа рисую каракули на стекле.

Не говорите все сразу: и так в голове байда.
Каждое утро бреюсь, но прорастает синяя борода.

Хорошо, что разные города.

Мертвец

Посреди сумасшедшим художником
разложенной требухи
я потерял оправу, иду вслепую.
Да, я — Уильям Блэйк. Вы читали мои стихи?
Поочерёдно в обоих спускаю пули.

Вечное возвращение — ежели не огля…
Я не хочу никуда уходить отсюда
и говорю полицейскому: *это моя земля*.
Бог — мне судья, и значит, суда не будет.

С дыркою возле сердца, в чужом пальто,
с выстрелом каждым всё легче смотреть иное.
Кто с тобой, парень, идёт по тропе? Никто.
Это плохая примета — идти со мною.

* * *

Страна столов и стульев. Занавески
на театральных рамах мимо стен.
Четырнадцатилетняя невеста —
не лучший, если честно, ассистент.
Парк импрессионистов. Небо Мунка.
Работа, убегающая в лес.
Из кабака через дорогу — «Мурка»,
все маты перекрывшая окрест.
Вписавшийся в «тойоту» «запорожец»
лежит, колёса к небу вознеся.
И девушка уходит без серёжек,
горящая на фоне лета вся.
Пока ещё дворы теплы ночами,
здесь каждый алкоголик — сирота.

И я на телефон не отвечаю,
поскольку пламя рвётся изо рта.

Березники

Этот город — бумажный пакет,
подтекающий понизу, — нет
ни желания здесь находиться,
ни возможности хлопнуть дверьми.
Точно спёр ты здесь нечто. Верни!
Так за что ж я хотел извиниться?

Что приехал за чудом, а тут
омерзительный привкус во рту,
точно вся атмосфера прокисла:
Алексей Леонидович Ре-
шетов жил в этом самом дворе —
никакого сакрального смысла.

Я пью сагу с ближайшей руки
о проколотом лоне реки,
древний пласт размывающей в кашу,
наблюдаю с радушием псов
старожилов песочных часов.
Это ужас. И нет его краше.

Я в глазницы смотрю пустоте:
она кошкой сквозь трещины стен
громко воет пятью этажами;

тополя, набежавши окрест,
выражать собирались протест,
да ладони от страха разжали.

Я беру из трясущихся рук
бандероли поэзии — вдруг
их придётся к печати пристроить;
и, конечно же, я не прочту
пенсионную чью-то мечту,
карнавал комсомольских героев.

Друг мой, брат мой, учитель, на кой
мы явились в приёмный покой?
Чтоб позировать с мэром в обнимку?
Чтобы в хроники Пермской земли
и фамилии наши внесли,
ну, хотя бы, как подписи к снимкам?

Не за тройку бюджетных нулей,
не за выпивку на столе,
не за нежность к гостиничным кралям,
я стою среди гордой беды
с сердцем полным холодной воды —
со Священным Граалем.

* * *

врач вот в общем-то ни при чём
ну сорвался я в тесноте
он хорошим мог быть врачом
ДАУСЛОВИЯБЛЯТЬНЕТЕ

врач которого огорчил
обнаружил (вернувшийся от друзей)
что оставил во мне ключи
деревянный и буквой «Зэ»

оглянулся в сортир-подъезд
вот баюкаю на руках
зарешёченный в край разрез
мне когда-то ненужный нах

* * *

самолёты не приземлялись — летали встык
отвечали потомки Кибальчиша
хорошо не слышащим с высоты
позывные центра звенят в ушах

ничего от сих не видать до сих
эмираты Снежинск и Аркаим
там обратно пользуют керосин
и горит паркет у кого камин

часовые сдвинуты пояса
эскадрильи прапорщик Востряков
на рабочем месте в цветных трусах
спит лицом в штурвал — и ему легко

ДОРОГОЙОГОРОД

Штыковою лопатою я нарезаю планету,
останавливаясь на некоторых вещах.
Мой железный язык переворачивает монету:
здравствуй, угольный реверс, —
шафрановый аверс, прощай.

Вот такая здесь вечная почвенность, брат Чаадаев:
паутина корней, рубероид, проводка, капрон.
Провокатор заткнётся, филолог нас не угадает,
ожидаемый поезд придёт на соседний перрон.

Дождевые поэты (доверчивей кошек персидских:
сами ластятся к пальцам, сошедшим в их темя с небес)
в троеперстье легли, будто Родина перекреститься
инстинктивно решила, утратив железный навес.

Передай Чехонте: его выкорчеванный крыжовник
каждым щупальцем вверх
о прогнившей культуре ревёт.
Всех приемлет компост.
Не смотри на меня напряжённо:
никуда не исчезла Россия твоя, патриот.

Перекопка, посадка, прополка, поливка, *селитра*
и другие добавки к естественной нашей среде —
вот и все наши письма и песни, продажи, поллитры,
гениальные вирши, измены т.д. и себе.

Для кого этот сад? Чечевицу духовной свободы
мы способны взрастить, на любом континенте. Копай
злую землю уральскую, лей в её трещины воды,
те, в которых утоп (если верить легенде) Чапай…

* * *

— Апостол Павел?

— Да, апостол Пётр,
под крики йеху и под игого
мы едем прочь от этих берегов —
зашкалило количество богов
светил эзотерического слёта.

Кто отразился в сточных водах? Над
Уралом нагибается цунами:
Ньярлатот*е*п, Югг*о*т, Шуб-Ниггур*а*т,
Алд*о*нес, Т*а*ле выстроились в ряд
над вялыми прохладными умами.

Нас захлестнёт избыточность любви.
Попробуем сегодня против правил.
Куда ж нам плыть? Не важно, брат. Плыви.
Не все на свете храмы на крови.
Апостол Пётр?

— Да, апостол Павел.

Кыштым

Н.К.

Горный северный край. Ветер по умолчанию — южный.
Итальянская зелень в июле груба и манерна.
Храмы недоразрушены, т.е. открыты наружу
самым светлым, что только осталось, наверное.

Утром надо бросаться к реке: её дамбам и сливам.
Впрочем, ты сухопутен — уважит колонка любая.
Надо *всё потерять* и под вечер проснуться счастливым,
женский воздух Кыштыма растянутым горлом хлебая.

Даже души на небо отсюда уводит автобус.
Не спеши до него. Что тебе до бараков холерных?
Посмотри на закат, над болотом постой, чтобы… Чтобы
примелькались стрижи
в твоих трещинах, сколах, кавернах.

Касли

К.

Квадрат железа, тронутый травой.
Скамейка, что стояла здесь четыре
столетия. Усатый домовой
из веток перевязанных. В сортире
автовокзала чище, чем у стен.
Но храм закрыт, посколькуогороды.
Рай должен быть подробен — то есть те,
кто здесь живут, не чувствуют свободы.

(Бывает боль подкатит к голове
и вспоминаешь что-нибудь другое,
когда гроза глядит как человек
в твоё смешное крошечное горе)

Вот пальцы горьковатые на вкус,
вот серьги из китайского металла,
вот параллелепипед русских скул —
святая алкогольная усталость —
вот совесть, приходящая как мышь
к лежащим на разложенном диване.

Шумящий вдоль автобуса камыш,
угрюмые посёлки без названий…

Крещение

Зашибись доехали в Петушки:
посреди зимы с головой под лёд.
Отмолились Оксе мои стишки.
В одиночку плачет, живёт и пьёт.

Не читай поэзию... Не Чита —
всё одно не ближний, когда на дне.
Не блаженство — именно нищета.
И смешная Окси, и свет над ней.

Спит в «газели» ласковый Венедикт.
Видит сон, где Окси вдевает нить.
Если что обещано впереди —
смысла нет. И нечего объяснить.

Памяти Дмитрия Кондрашова

Небеса корабельные в самом топтыжьем углу.
Горизонт растворяется в белой эмалевой кружке.
Записал «жи-вы-все» под диктовку ветвей по стеклу.
Нужно ждать и любить,
а скорбеть и бояться — не нужно.

Посмотри, в опечатках следов отражается свет —
здесь от сопок Манчжурии до островов Соловецких
бесноватые камни привсплыли в таёжной траве,
словно гиппопотамы стянулись погреться.

Небеса колыбельные в каждом проёме двери.
Поднимая ресницы, как флагман сигнальные флаги,
говори, говори, говори, говори, говори
миру, Риму, тому, кто глядит из-под белой бумаги.

19:93

Спали на лестничных маршах,
передавали дыхание через
общую сигарету

мальчики с Уралмаша
на корточках у качелей
летом.

В домике детском проснулся:
снежок не сладкий
свет заметает.

Время, Снусмумрик,
собрать манатки
и до Китая.

* * *

первое чувство розочкой распорол
пятку в запруде
кровь
повели лечиться
посадили на пляже на пропесоченный поролон
баночку с йодом нашла у себя учительница

дочка её красный купальник
глаза
цвета пятна расползающегося по пятке
не смотри на пупок не смотри на пупок нельзя
некуда скрыться и ничего не спрятать

детство похоже на щедрый крестьянский лубок
воздух свободы куражится над диафрагмой
только не надо гнать то
что всё это любовь
бедный мой
бедный мой русский язык
бедный враг мой

Письма из Вавилона

1.

Ты замечала? хронометры в доме спешат.
Я протираю на полках стеклянных мышат
и нахожу твои баночки, тюбики, спреи.
47 раз я сегодня смотрел на закат.
Фазы луны за окном поменяли скорее.

2.

Дом без тебя, словно книга без первых страниц:
нет жалюзи, заводные машинки мокриц,
чистых рубашек висит не разобран конструктор,
в туесе с надписью «Мёд» отсырел рафинад
и на столе дозревают квадратные фрукты.

3.

Я по ночам слышу пение с кухни, когда
я остаюсь в одиночестве. Выйдешь: вода
точит ножи (метроном подростковой обиды).
Из недосказанных фраз я сложил реферат:
твой Гераклит убедил моего Парменида.

4.

В день, когда мы заказали в «узбечке» долму,
я произнёс, отложив кулинарный талмуд:
я бы хотел этой жизни остаток с тобою...
Не возвели на одном языке зиккурат
(впрочем, название можно поставить любое).

5.

Как ни крути — моя жизнь превращается в шар.
Ты береги себя там, дорогая Иштар,
в лязге и дрязгах газонокосилки оркестра.
Да сохранят твою музыку Тигр и Евфрат —
на берегах для неё не оставили места.

Имена

В библиотеку имени меня…
Роман Тягунов

Мы всем деревьям дали имена:
шурша листвою в сумерках с работы,
мы говорили с каждым: «Вот те на!
а мы и не узнали сразу, кто ты».

Не Дантовская выставка искусств,
а души выходили из тумана.
Взъерошенный весёлый тощий куст
мы окрестили именем Романа.
Ему махали: «Здравствуй, Тягунов»
(его кора была почти горячей
и дольше всех зелёное руно
на нём держалось на углу со Стачек).

Клён Мандельштам пёр сквозь кирпич стены,
Ахматова смотрела на витрину
(но не было рябин и бузины,
чтобы одну из них назвать Марина).

Там были и Блаженный, и Парнок,
обэриуты между гаражами,
горел на Бродском золотой венок,
К.Р. и Блок друг другу руки жали.
Глазков стоял, невзрачен и сутул
(секретный часовой Поэтограда),
и Решетов ладони протянул
над детским садом.

Немые собеседники в снегу,
и не осталось никаких эмоций,
но вот уже два года не могу
идти пешком к метро по Краснофлотцев.

Пять стихотворений

1.

Птицеликий, даже между нами…
Просто счастлив тем, что я живу.

В сердце моё встроенный динамик
надрывает вечный Азнавур.

Через полувыжженный рассудок
тянутся глухие поезда…

Просто помню, я ведь не отсюда
и по смерти съеду — не сюда.

2.

Внутренний Решетов — истинный мой фольклор.
То, что запомнил сызмальства, так держать,
где выходил до рассвета в поганый двор,
после заката прикидывал клюв разжать.

С юга на север по облаку след саней.
Чёрное небо горит на моих плечах.
Та, кто прижалась всем телом к моей спине,
та и осталась кукушкой меня встречать.

3.

Тута своя мифология, басни, сны…
Вот и развешаны шторы моих миров.
Те, что сознанию (вроде бы) не страшны —
те недостойны слов.

Ну, под изнанку потянешься подсмотреть,
что за рыбёшка забьётся в твоей горсти.
Вместо такого знакомого слова «смерть»
сам не припомню кому написал
«Прости».

4.

Самым последним властителем был Колчак.
Вот он (на карте) контур Пустых земель.
Где по старинке из бересты колчан.
Вместо перины под изголовье — ель.

Русская речь — неприятная никому —
ищет болото, мечтая его воспеть.
Я просыпаюсь и долго смотрю во тьму.

Через дорогу протезом скрипит медведь.

5.

Так я родился
пламенем на камнях.
В каждую выемку добрый бензин разлит.
Горные ветры, питающие меня, —
не получивший ревизии реквизит.

Над темнотой партера парящий птах
хвойный бомонд озираю, что твой лорнет.
Пусть этот мир остаётся на трёх китах,
если на космос больше надежды нет.

* * *

А.П.

Это Филонов, и ты понимаешь, о чём я.
(Нет, погоди соглашаться) но ты понимаешь:
ты поминаешь Филонова, но (понимаешь)
я говорю не о чёрном, но именно чёрном.

Я не сказал: за Россию (и ты, россиянин?)
Все мы мордва и цыгане, поляки, евреи,
мы говорим о Филонове, Саша, налей и
мы говорим о Филонове только по пьяни.

Мы говорим. Так Изварина... Вспомни цитату:
Бог — Он хотел — по Извариной — чтоб говорили...
Но, понимаешь, Филонова — мы говорили —
как футуризм языка получили в осадок.

Эта алхимия времени не по рецепту:
плавим свинец, ковыряя на части патроны.
Мы говорим — и над нами летают вороны.
Только Филонов стоит одиноко
по центру.

Памяти Виталия Калашникова

Вот у подъезда школьницы "Яву" курят.
Язвочки от чинариков на железе.
Что за принцессы под лягушачьей шкурой?
Что за чудовища, только коснись, полезут?

Оля Речкалова так ощущала сумрак:
каждую гематому на *щекатурке* храма —
катятся шарики ртути из женских сумок,
на Шаумяна ул. потекла реклама.

Это уныние давит панкреатитом —
вышел к подъезду и отключил мобильный.
На разрешение жить я не взял кредита —
жизнь изначально избыточна и дебильна.

* * *

подожди и придёт
твоё страшное детское время...
Андрей Мансветов

лепишь себя в куличики
не признавая игрой
едешь на электричке
вплоть до Перми-второй

время твоё деревянное
сверхзвуковой режим
в зрелости д'Артаньяны
не начинают жить

ангелы — участковыми
на огонёк пешком
с ласковым коньяком — и
шпагами с шашлыком

Тридцатилетие

1.

твари дрожащие скорпионы
в банке кишащие серапионы
пятой заварки планктон ЖЖ,
те кто не тратятся на верже
да неужель я один из этих
мало признать — я за них в ответе
общей порукой повязан круг
жаждой набить что я тоже крут

(жги, поколение клавиатуры!
что-то останется литературой
может и Бредбери станет вещ
каждый последнюю помнит вещь)

что расскажу я в ночи на память
на остановке где курит падаль
ангелу прячущему крыла —
сплетню с прозекторского стола?
стыдно и страшно входить в потоки
ленты друзей но привычка только
бы одержимостью ролевой
в дырку квадратную головой

2.

не объяснить ничего — повредилось дышло,
пара гнедых вырывается из поводьев.
да, я хотел быть писателем, но не вышло:
крепок в коленях, да психика хороводит.

3.

выйдет *рассветный мужик* закурит
кролики алкоголики куры
собственный огород над рекой
воля (по Пушкину) и покой

(по Достоевскому) я на съёмной
внешне живущий вдвоём но
трезвым Ставрогиным среди псов
душу на гвозди и на засов

братья безумные сёстры мило
сердия сердятся я без мыла
через игольное наперёд
где мой Господь меня изблюёт

* * *

Е.И.

Жизнь по стеклу скользила уголком —
всё оттиралось, ладилось и пелось.
Так почему сложилось так легко
всё то, чего взаправду не хотелось?

Захлёбываясь в муторной игре,
я помнил, что окликнут с поднебесья
в тот самый миг, когда перегореть
решат мои мальчишеские бесы.

Но форточка на третьем этаже
не открывалась и домой не ждали…
Так и остались жить на гараже
рассохшиеся детские сандалии.

Так и остались жить в чужом быту
мои зонты, компьютеры, посуда…
И я стою с монетою во рту:
и тут нельзя — и некуда отсюда.

Кассандра

Страх приходил и говорил мне *Беги*
Я отвечал (не отворачиваясь) *Изыди*
Страх пришил мне 34 ноги
в виде детей и кредитов (оплачено) в виде
тех нелюбимых любимых которым усту-
паешь (Да ладно) Они это выбрали сами.
Страх передвинул к постели (расправленной) стул
и (словно доктор) ладонью провёл над глазами.

* * *

А.С.

ученик секьюрити восемь глаз
среди книжных полок постель и газ

становиться быдлом с утра и до
говорить себе *потому что дом*

открывать окно закрывать окно
папиросы «Бородино»

Чёрное зеркало

Помню вырывал топор у брата.
Прокрутите этот файл обратно.
Доброе разбитое лицо.
Плеер бытовой воспроизводит
запись на сетчатке, что-то вроде
старых фотографий со свинцом.

Я-то думал, будет больше плёнок:
вот я выбираюсь из пелёнок,
вот стелю постельное бельё,
несколько друзей из "dolce vita",
почему-то статуя Давида
(то есть светокопия с неё),

нож из Праги, флейта из Китая.
Я-то думал, что раскрою тайну,
разгляжу сокрытый компонент.
Алах*а*дзыхъ, Пермь, Челябинск, Питер,
столики и стулья общепита —
чуда сверхъестественного нет.

Но ведь были ж эти ощущенья:
помню, в прорубь я сошёл в Крещенье
(подняли наружу на руках),
ветер на площадке телебашни,
по небу бегущие барашки,
встреча в переулке двойника.

Поиск не приносит результата:
не хватило кластеров когда-то.
Проступают из заплечной тьмы
господа из мемори-надзора,
создают иллюзию зазора.
Сбилась нумерация. Шумы.

Шесть стихотворений

1.

дивно молвит октябрь гнева
заливает апрель тоски
рыбы сами раскинут невод
и порежут себя в куски

то что стало тебе во благо
и меня на паях везёт
не цеди мне на жабры влагу
мне по вкусу аргон-азот

этот шёпот незримых женщин
это радио от футур
окликает не вслед ушедшим
а не знавшим номенклатур

2.

мы себя назвали птицы
обещая перелёт
к тем пределам, где дымится
побережье млеко-мёд

вместо крыльев сиплый клёкот
и стоят передо мной
грохот Сербии далёкой
запах скумбрии родной

3.

посещающим зал ожидания:
наша совесть на вес пера
все мы в юности были джедаями
повзрослевшим — своя игра

кто напомнит мне имя кортика
что находит изъян в броне?
это страшное детство корчится
фотографией в портмоне

4.

первым окончилось время лягушек и сов
тот кто не голос а множество голосов
строил свой храм на останках панельных трущоб
это резерв
но чутьё обещало ещё

титры ползут на корейском
играет труба
я размотал и снимаю повязку со лба

5.

всё что запомнил пишу на отдельном листе

раз) во дворе заскрипевшая карусель
два) магазины забиты собачьей едой
три) на дороге раздавленный рядовой
номер четырнадцать двести семнадцать сто пять

вымерз от гайморовых
до пят

6.

линия жизни стала намного длинней
тихое счастье нескольких зимних дней

температура по Цельсию выше нуля
то что за окнами это теперь не Земля

не пригодятся салазки миники бегунки
я разрезал ладонь о твои позвонки

* * *

Е.О.

На тростниках оплётки монгольфьера
ты поднимаешь тело, что корзину,
с глубин постельных к запахам кофейным…
Я шевелюсь, голодный клюв разинув,
в бунгало сна, пустом и обветшалом,
твоим теплом очищенный от страха.
Но мне по суше проходить шершаво —
я жил галапагосской черепахой.

И выдохнуть меня — твоя тревога.
Здесь воздух плотен так, что сух на ощупь,
что можно даже музыку потрогать
(ресницами, хотя губами — проще),
и снова вверх (тебе уподобляясь)
без панциря (невидимого даже)
привычным черепашьим баттерфляем
над *незнакомым* городским пейзажем.

Води меня — я суетен и шаток.
Воскресный мир перебирай подробно,
где золотистой стайкою стишата
нас обживают, шепчутся под рёбра.
Веди меня своим спокойным чтеньем,
ни за руку, ни обещаньем чуда.
Единственное тёплое теченье
я черепашьей памятью почуял.

Возвращение Нильса

И сам с собой полночи говорю.
Андрей Санников

Мне важно, Мартин, чтобы в час ночной
твой ангел, пролетая надо мной,
моих волос коснулся, мол, не бойся.
Не говоря, а так вот, проходя,
привет, мол, передавший от тебя,
мол, не болей, не ври, не беспокойся.

Пойду окно на кухне отворю,
пузатый чай покрепче заварю
и газ, цветком сиреневым раскрывшись,
мне нарисует на стене сады.
Я из под крана наберу воды
и буду до утра смотреть на крыши.

Встречая клины каждую весну,
мне страшно, Мартин, отходить ко сну:
ты не узнаешь ни окна, ни ставен.
Проходят злости, остаётся боль.
И вот я снова говорю с тобой
изогнутыми птичьими устами.

Я по земле прошёл по городам,
где мы с тобой снижались. Знаешь, сам
я видел их глазами лилипута.
Как будто некто мой издал роман,
он грамотно оформил все права,
но строки в нём местами перепутал.

Я скоро нечто важное пойму —
такого не расскажешь никому —
и стану я стрелой, а не мишенью.
Тогда я через небо полечу,
и воздух плотен, словно каучук,
и ты крылом мою обнимешь шею.

Явная доктрина

Хмуря брови,
говорит мне Абам:
Человек приходит из крови.
Обёртывает кровь свою
в полотнища красоты,
разматывает и протирает одежды,
множит стыд
и,
выпустив свою кровь,
утекает в её глубины.

Обращаясь ко мне, словно к сыну,
говорит мне Дохау:
Жизнь — это дыхание.
Мёртвые ныне там, где воздуха нет.
А без воздуха не взлететь.
Только падать.

Посмотрев на меня, как на падлу,
говорит мне Зоран:
Любовь — это указание.
Мы рождены для помощи Богу.
И любовь нам напоминает,
когда мы Ему нужны.

Говорит не познавший жены
Билос:
Грех, Черта, Закон, Честь —
буквы, которыми ангелы здесь
пользуются, ведая
друг другу свои печали.

Я отвечаю:
Ангелы похожи на рыб,
плывущих сквозь безвоздушный густой
чёрный кисель космоса косяком.
На стеллеровых коров,
не замечающих мёртвых.
Мёртвые слишком малы для них,
что пыльца.
Песня коров поднимает кольца,
и внутри кольца
носятся бессчётные орды.
У каждого мёртвого два пути:
встроиться в музыку ангельских голосов, пройти
через поток, прорваться обратно в плоть,
в соитие, в чре-
во,
либо впиваться в шкуру ангела, словно червь,
покрыть копошащейся коркой
толстую кожу межзвёздных стад,
множить свой ад.

Посмертно не встречу близких, но если я пронесу
вкус любви, не смешаюсь с прочими, что сосут
ангельский жир,
сохранится чутьё на звук,
смысл возвращения в миражи,
стану жив.

Абам говорит мне:
Плоть — этот сосуд.
Дохау говорит: Поэзия
разрушает сердце.
Зоран говорит: Профессия —
это забытьё.
Билос говорит: Право —
это характер.

Я отвечаю:
Это всё не моё.

Я говорю им:
Границы нет.
Двери всюду.
Музыка — это свет
для пыльцы, кружащейся вокруг плывущих коров.
Душа незряча, но чует вибрацию,

из ковров
копошащихся
поднимается вверх
на родственный звук.
У живых есть уши, глаза, язык, нос,
кожа, по паре ног и рук,
органы для страсти,
что-то ещё внутри…
Мёртвые чувствуют только ритм,
всевозможные унца-унца.
Счастье здесь.
И закон один:
подарить возможность
вернуться.

* * *

перепелиное дерево где на спилах
лёд проступает небо в седых дельфинах

пепельный город в белом окне пустого
(до горизонта почвы и пепла) слова

белка берущая с прошлой моей ладони
ягоды спёкшиеся в бидоне

пальцы застывшие на керамической флейте
шесть одинаковых цифр
в счастливом билете

всё остальное забудется извините
(белое-белое солнце стоит в зените)

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

В последнее десятилетие новострой-новодел в Екатеринбурге расцвел пышным цветом. Небоскребы «Высоцкий», «Рэдиссон САС», «Призма», «Демидов-Плаза», «Стражи Урала» растут, как на дрожжах. Нет, скорее, как на нефти сорта Urals. Шик, блеск, красота!

Но неожиданно в самом центре города вдруг предстает заброшенный госпиталь, развалины бывшей городской больницы скорой медицинской помощи. Смешение времен и стилей: колонны и коринфские ордера, конструктивистское ленточное остекление, аэрозольное граффити, одичавшие тополя. В центре двора высится полукруглая башня — черные щербатые дыры вывалившихся окон. Именно сюда заводит своего читателя Сергей Ивкин, автор книги «Йод», здесь звучит голос поэта: «*Нет ни нового неба, ни новой земли*». Появляющийся из-за плеча «тощий ангел» снимает четвертую печать: «Иди и смотри!»

«И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святый Иерусалим, который нисходил с неба от Бога». И где же ты, Град Божий, образ красоты духовного мира, покоя, света, открытости Божественному Промыслу и благодати? Увы, не видно тебя с пятого этажа разрушенной больничной башни, неоткуда ждать скорую духовную помощь. Молчит Блаженный Августин, не дает ответа черно-белая метафизика. Крепнет сомнение: «странствует» ли и ныне Град Божий «внутри града земного», «узнает ли Господь своих» в конце пути?

Постмодернистский Апокалипсис, Пост-Апокалипсис, mix между откровениями Иоанна Богослова и Говарда Филлипса Лавкрафта. Метаморфозы безжало-

стны: райские «прекрасные селения», когда-то нарисованные детским воображением, закономерно оказались в аду. Вот она — Апсны, Страна Души: снег падает, но не долетает, осень не имеет меры и конца, безногая ящерица ползет вдоль реки, потерявшей название, архангелы-заключенные, укладывают валуны в облученном дерне.

и никого нет в мире кроме Бога
и две собаки (и ещё немного)
и три собаки спящие в листве

Сто лет назад наш земляк, пермяк Михаил Андреевич Осоргин, тоже взялся рассказать об Апокалипсисе. «Мозг человека боролся с солнцем, стараясь подчинить живущее мертвой воле. Огораживал забором кусок земли, стенами город, границами государство, цветом расу, традициями национальность, современностью историю, политикой быт. Хитрый и пытливый мозг строил пирамиду из живых и трупов, взбирался по ней до верхней точки — и рушился вместе с нею. Солнце смеялось над ним, он смеялся над солнцем. Но последним всегда смеялось оно».

Из книги Сергея Ивкина явствует: времена изменились. Одинокая Башня Первой Помощи оказалась на самом краю Солнечной системы. Когда-то Желтый Ангел слетал вниз с потухшей рождественской елки, теперь же он явился с планеты Юггот, перевалочного пункта в неизвестность.

нас обучали ждать пока не скажет ангел
что может выходить на белый свет душа

не помня ни единого закона
готовиться начать единственный полёт
авось посмотрит Бог с высокого балкона
авось и нас в ладонь из воздуха возьмёт

Божьему свету теперь стало все равно, что точить — камень ли, кафель-пластик. Перевозчик (в Аид?) ныне не требует платы — tax free. У третьей палаты — общий молебен, кем-то удачно отменено деление «на агнцев и прочих», все «приняты скопом». Стерильность — даже на пятом не чувствуешь запаха крыс, и «нет ни боли живущим, ни радости нет». Но, если отложить в сторону АКС и выглянуть из черной могилы окна, то внизу по-прежнему увидишь «перегной», «шевелящийся силос».

Открываю глаза: ни шатров, ни тебе огней.
Зырят двое патрульных сверху: «Давай, вали».

«Время разбрасывать время». Стрелки — не переведены, звуки — отключены, циферблат — заброшен далеко в тайгу. Сверху «стекает» нагота, плывут аэростаты, кружат левиафаны, близится затмение Солнца. Дыханием раскаляются угли, пасть извергает пламя, Ужас бежит впереди. Бурлящий котел, пучина кипит, море растекается кипящей мазью, бездна седеет. «Собором осыпается небо», разобраны «инженерные рельсы», разрушены ребра моста на пути в Небесный Иерусалим. Балаган, вертеп, здесь все висит на нитях — золотые колокола, планеты, машины — семиглавые чудища. А «слепой ребёнок ножницами шарит». Все бы ему резать, все бы резать! Такое откровение, пожалуй, пострашнее дюреровских всадников, Безумной Греты Брейгеля.

Как правило, образ лирического героя строится не как слепок авторского сознания, а кроится по лекалам замысла в соответствии с заданной «участью». Не стоит примерять к стихам Сергея Ивкина понятия «герой», «субъект», «персонаж». Лучше назвать так: «тот, о ком речь», или «тот, кто в центре».

И вот, стоит этот *некто*, «не выходя из круга», шевелит губами в «зеркале глухоты», «невесомое тело в ладонях одежды ревёт, / избавляясь от страха». Декортицированный инвалид пытается снова «сочинять воздух», «учиться дышать», отыскивать «тоннели назад», вспоминать забытые имена: Дерево, Дым, Облако, Вода…

С дыркою возле сердца, в чужом пальто,
С выстрелом каждым всё легче смотреть иное.
Кто с тобой, парень, идёт по тропе? Никто.
Это плохая примета — идти со мною.

Казалось бы, сюжет не нов, а вполне дежа вю — братья Стругацкие плюс Тарковский. Вымышленное время, пространство, смутно напоминающее район аномальных явлений. Но эта кажущаяся похожесть — заблуждение. В сборнике Ивкина *иное.* Комната на пятом этаже заброшенного здания не место, где сбудутся, обязательно сбудутся чьи-то желания. Увы, ничто здесь сбыться не может, как ни проси, ни упрашивай. Да и *некто* вовсе не Сталкер, проникший в Зону. Это человек, мечтающий Зону покинуть! Залогом того, что у него получится, его библейское имя: Инаков. «*И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба*». Лестница Иакова: «Не существует преград на небесной тропе»! А может, это космический лифт в футуристический мир-антиутопию Gunnm? Не библейская легенда, а киберпанк по всем законам жанра: «high tech, low life»?

«*Царство Моё не от мира сего… ныне Царство Моё не отсюда*». В «Йоде» все иллюзорно: декорации, импрессии, фантазии, галлюцинации. «Страна столов и стульев. Занавески / на театральных рамах мимо стен». Однако,

Не занавешивай завистью мой окоём:
я отгадал иллюзорное царство твоё —
все 33 превращённые в олово буквы…

Может быть, Царство Небесное было обещано кому-то другому, ведь и в имени тайное откровение — Инаков? «Человеческий неликвид», пытающийся «в малиновых мокроступах» перейти «белые-белые области нелюбви», выбраться из зарослей «развесистой клюквы».

вечерний макияж: замазать атавизмы
здесь щупальца у рта здесь жабры вдоль спины
таким как мы хватает оптимизма
хватает нервов ждать падения стены

срез*а*ть шипы, щитки и запасные пальцы
(всё отрастает за четырнадцать часов)
чтоб только не шептать очкарику *не пялься*
на левый мой висок на правый мой висок

«Тот, о ком речь» — мужественный индивид, «пламя рвется изо рта», он «смотрит в глазницы пустоте», стоит «с монетою во рту: и тут нельзя — и некуда отсюда». Алхимия генно-модифицированного времени заставляет быть мутантом, да вот только проклятые атавизмы тела и души не дают забыть, кто же ты на самом деле. «Просто помню, я ведь не отсюда / и по смерти съеду — не сюда».

Черное зеркало памяти. Свинец старых фотографий на сетчатке. Кластеров не хватает, сбилась нумерация, шумы… Чуда сверхъестественного нет! НЕТ ЧУДА! «Проступают из заплечной тьмы / господа из мемори-надзора, / создают иллюзию зазора».

«Мы себя назвали птицами», величали джедаями. Рыцари-миротворцы, звездно-воинские традиции, кодекс чести. Пятистрочная мантра, световой меч! Разве можно

построить «на останках панельных трущоб» Храм, вознесенный в Небо? Откуда начинается дорога к Храму? Детство закончилось, мечты не сбылись, пора, наконец, снять повязку со лба.

Одинокий кратковременный полет, «возвращение Нильса». И не полет, а всего лишь подъем на мгновенье! «Шевелящийся силос», виденный с высоты. Не идет он из головы! «Всех приемлет компост», но, знали бы вы, как хочется, хочется вырваться из «дорогогоогорода», где «унавожено, но не распахано»! Даже графикой стихотворец показывает, что это невозможно, — нет ни щелки, ни зазора, *«поскольку огороды»*.

Но средство спасения есть и называется оно — ЙОД. Им прижигаешь телесные и душевные раны — швы, строчки, стежки, спаи. Это — фиалковое лекарство любви, испытанное еще в детстве. В тот день в глазах девочки, сидящей напротив, ты впервые увидел отраженным свое чувство. Ее мама обрабатывала твою рану на стопе, а ты смотрел в широко раскрытые глаза цвета йода.

О летучее, о возгоняемое, о недолговечное чувство любви! «Воздух свободы куражится над диафрагмой». В тебе — скорая первая помощь, в тебе — единственное спасение! Только твоя легкость позволит отставному джедаю вырваться за пределы человечьего «компоста»!

Нас захлестнёт избыточность любви.
Попробуем сегодня против правил.
Куда ж нам плыть? Не важно, брат. Плыви.
Не все на свете храмы на крови.

Сергей Слепухин
Екатеринубрг

Содержание

Разрушенная больница скорой помощи в Зелёной роще города Екатеринбурга 5
мы валуны одной величины 6
Ответ чибису 7
Прощание 8
озеро с обвислыми краями 9
Апсны (Страна души) 10
Другой жёлтый ангел 11
вот дерево 109 раз и дым 12
над городом плывут левиафаны 13
жди свой товар неразменный живой алтын 14
Смотрит ампула плоти в январские рёбра моста 15
по камням светящимся впереди 16
длинно летит душа 17
белые зонтики трав ночных 18
четыре половины четверых 19
Влюбись в меня, если осмелишься 20
ночью с балкона удили леща 26
Стекающая сверху нагота. 27
вечерний макияж: замазать атавизмы 28
Зависть I 30
Зависть II 31
Facebook 32
Куртка 33

Два стихотворения
- Ты же слышишь этот неумолкаемый шёпот 34
- Травы собирали на побережье 35
оберни моё тело живой берестой 36
медленно бу-бу-бу 37
белое пламя в очах совы 38
Отказаться от любви много проще 39
Двое 40
Георгий Иванов 42
Четыре 43
Мертвец 48
Страна столов и стульев. Занавески 49
Березники 50
врач вот в общем-то ни при чём 52
самолёты не приземлялись — летали встык 53
ДОРОГОЙОГОРОД 54
Апостол Павел 56
Кыштым 57
Касли 58
Крещение 59
Памяти Дмитрия Кондрашова 60
19:93 61
первое чувство розочкой распорол 62
Письма из Вавилона 63
Имена 68

Пять стихотворений
- Птицеликий, даже между нами 70
- Внутренний Решетов — истинный мой фольклор 71
- *Тута* своя мифология, басни, сны 72
- Самым последним властителем был Колчак. 73
- Так я родился 74
Это Филонов, и ты понимаешь, о чём я 75
Памяти Виталия Калашникова 76
лепишь себя в куличики 77
Тридцатилетие 78
Жизнь по стеклу скользила уголком 81
Кассандра 82
ученик секьюрити восемь глаз 83
Чёрное зеркало 84
Шесть стихотворений
- дивно молвит октябрь гнева 86
- мы себя назвали птицы 87
- посещающим зал ожидания 88
- первым окончилось время лягушек и сов 89
- всё что запомнил пишу на отдельном листе 90
- линия жизни стала намного длинней 91
На тростниках оплётки монгольфьера 92
Возвращение Нильса 94
Явная доктрина 96
перепелиное дерево где на спилах 100

В ОЖИДАНИИ ЧУДА. *Сергей Слепухин о стихах Сергея Ивкина* 101

Сергей Ивкин
ЙОД

Редактор-составитель А.Ю. Санников
Дизайн и вёрстка Е.С. Слепухина

Издательство «Евдокия»
eudokiya@gmail.com

Отпечатано в США